

Комната для допросов была до крайности тесной. Внутри стояла пугающая тишина, а воздух, казалось, сгустился до такой степени, что дышать становилось тяжело.

Чжао Куо и Мужун Сюэ стояли лицом к лицу. Их взгляды скрестились, словно два электрических разряда, высекая искры в напряженном пространстве. Обстановка накалилась до предела, готовая взорваться в любую секунду.

Внезапно Мужун Сюэ улыбнулась, обнажив ровные белые зубы.

— Я никогда не причисляла себя к лагерю праведников, — произнесла она медленно. Голос её звучал чисто и спокойно, будто она говорила о самых обыденных вещах. — Но и злодейкой в глазах общества меня не назовешь. Я просто делала то, что считала нужным в тот момент.

Сказав это, она перевела взгляд на стоявшую рядом женщину-полицейского. В её глазах промелькнуло что-то многозначительное, словно эти слова предназначались исключительно для неё.

Столкнувшись с такой неожиданной откровенностью, женщина-полицейский не расслабилась, а наоборот — напряглась ещё сильнее. Она нахмурилась, терзаясь сомнениями и непониманием. С момента их первой встречи и до этого самого заявления ей никак не удавалось сопоставить эту хрупкую, улыбчивую девушку с тем жестоким преступником из досье, который голыми руками едва не забил до смерти взрослого мужчину.

— Хватит уже пытаться выглядеть лучше, чем ты есть! — Чжао Куо стиснул зубы и отрезал: — Горбатого могила исправит. Посмотри на себя: только вышла из тюрьмы, и вот — снова влипла в историю! Понятия не имею, то ли ты притягиваешь неприятности, то ли сама их создаешь.

Мужун Сюэ словно не слышала его. Она смотрела на Чжао Куо с таким безразличием, будто его слова совершенно её не касались.

— Я могу в деталях рассказать, что произошло в тот день, — холодно проронила она. — Но при одном условии: допрашивать меня будет кто-то другой.

С этими словами она поморщилась, словно увидела перед собой что-то омерзительное. Чжао Куо от ярости на мгновение лишился дара речи. Его глаза, округлившиеся, как медные колокола, впились в Мужун Сюэ, а гнев, казалось, вот-вот выплеснется наружу.

Женщина-полицейский вопросительно посмотрела на Мужун Сюэ, пытаясь понять, почему та испытывает к Чжао Куо такую неприязнь.

Мужун Сюэ холодно взглянула на Чжао Куо и безэмоционально добавила:

— Терпеть не могу таких людей, как вы, использующих служебное положение в личных целях.

Едва она закончила, как, увидев, как Чжао Куо дрожит от ярости, она почувствовала тайное удовлетворение. С самого детства ей приходилось сталкиваться с представителями закона. Иногда — из-за собственных проблем, но чаще — из-за чужих, когда она оказывалась втянута в дела против воли. И ни одна из этих встреч не оставила у неё добрых воспоминаний.

То ей заявляли, что улики недостаточно, и полиция бессильна. То говорили, что это семейная ссора, которая не входит в их компетенцию, и советовали договариваться частным образом. А порой было ещё больнее видеть, как люди, обязанные защищать закон, предавали свою совесть: игнорировали слабых и при этом раболепно заискивали перед сильными мира сего.

В детстве у неё была мечта — стать доблестным полицейским. Тогда она смотрела на эту профессию с искренним восторгом. Но с годами, по мере накопления жизненного опыта, разочарования стерли эти светлые чувства. И то, что она сейчас могла общаться с этой женщиной-полицейским спокойно и по существу, было пределом её вежливости и выдержки.

А что касается Чжао Куо — он того не заслуживал.

— Это когда же я использовал служебное положение в личных целях?! — взревел Чжао Куо, уперев руки в бока и подавшись вперед в угрожающей позе.

В этом странном мире всегда найдутся такие люди, как Чжао Куо: даже совершив проступок, они будут нагло и уверенно твердить о своей правоте, пока их не припрут к стенке.

Мужун Сюэ с презрением посмотрела на него:

— Изучать мое досье — это ваша работа. Но нормально ли рассказывать о нем посторонним?

Лицо Чжао Куо мгновенно помрачнело. Его уверенность испарилась, а в глазах промелькнул страх. Откуда она узнала? Ведь он только что по телефону рассказал Ван Юэчань о судимости Мужун Сюэ, прося ту не вступать в прямой конфликт и дожидаться его приезда.

Женщина-полицейский, поняв намек, перевела взгляд с Чжао Куо на Мужун Сюэ. Поняв, что та говорит правду, она посмотрела на коллегу с подозрением.

Мужун Сюэ не стала вдаваться в подробности, глядя прямо на женщину:

— В общем, замените его, и я выложу всё как на духу.

Чжао Куо был её старшим товарищем, и женщина-полицейский растерялась, не решаясь даже взглянуть на него.

— Кто ты такая, чтобы диктовать мне условия? — Чжао Куо решил больше не притворяться. —

Сотрудничество со следствием — гражданский долг каждого.

Он взглянул на неё с хищным прищуром:

— Лучше надейся, что ты чиста. Если я выясню, что ты причастна к делу кухни Ван Юэчань, я сгною тебя в тюрьме!

Услышав имя Ван Юэчань, женщина-полицейский всё поняла. Вот почему Чжао Куо так печется о деле Лю Баоэр — положил глаз на её сестру.

Это было жестоко, но такова реальность: мы живем в обществе, где внешность решает многое. Красивые люди часто получают особые привилегии. Лицо Ван Юэчань соответствовало всем стандартам красоты — её признавали все.

Мужун Сюэ тоже была хороша собой: и фигура, и черты лица — всё при ней. Но её красота была с характером, с «перчинкой», с которой справится не каждый мужчина. Поэтому большинство мужчин предпочитали более доступную красоту Ван Юэчань, а к таким, как Мужун Сюэ, боялись даже подступиться.

Женщина-полицейский внимательнее присмотрелась к Мужун Сюэ и вынесла свой профессиональный вердикт: Мужун Сюэ чертовски привлекательна, и если бы не её характер, она бы сводила с ума любого — и мужчин, и женщин.

Пока она предавалась этим мыслям, дверь в комнату для допросов отворилась. Все трое одновременно обернулись.

<http://bllate.org/book/20244/2017918>